

Брестский мир

22(9) декабря в 4 часа 24 минуты пополудни в офицерском собрании в Брест-Литовске начались переговоры о мире. Главнокомандующий Восточным фронтом принц Леопольд Баварский сухим, банальным приветствием открыл заседание мирной конференции, после чего покинул зал. Место председателя занял глава германской делегации министр иностранных дел фон Кюльмаи. За столом рядом с советской делегацией расположились: австро-венгерская делегация во главе с министром иностранных дел графом Черниным, болгарская, возглавляемая Поповым, и турецкая с председателем Талаат-беем.

Кюльман выразил пожелание, чтобы ход работ был "быстрым и успешным", и предложил установить порядок ведения переговоров: языком переговоров являются языки всех присутствующих держав, а также французский; председательствуют попеременно представители участвующих стран.

Первый холодок пробежал по залу, когда советская делегация потребовала, чтобы заседания были публичными и чтобы каждая сторона имела право полностью публиковать протоколы заседания. Наступило некоторое замешательство. Чувствовалось, что режиссёры не предусмотрели такого выступления. Турецкий представитель Ибрагим Хакки-паша невнятно выразил "свои сомнения". Никто не понял турецкого дипломата. Кюльман поспешил ему на выручку. "Я позволю себе вкратце передать замечание, которое его превосходительство Хакки-паша сформулировал от имени турецкой делегации". Сомнения турецкого представителя состоят-де в том, что, не возражая против публичности, он боится газетной полемики, которая будет вызвана публикацией протоколов. Обрадованный поддержкой, турецкий делегат взял слово вторично и подтвердил, что "вынесение на улицу могло бы помешать, по его мнению, успешности переговоров..."¹

¹ ("*Мирные переговоры в Брест-Литовске*", т. I, изд. НКВД, М. 1920, стр. 5-6.)

Этот небольшой эпизод показал советской делегации, каковы взаимоотношения в германском блоке. На конференции турецкие представители почти не выступали. Болгары не произнесли ни слова. Один раз только поднялся их представитель, чтобы присоединиться к предыдущему, конечно германскому, оратору. Австро-Венгрия плелась за Германией. Зажав рот своим союзникам, Германия властно выступала от их имени.

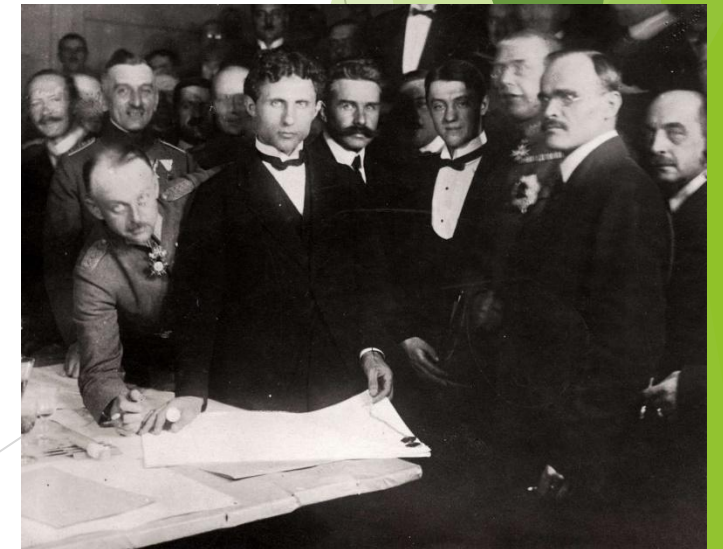
Сразу после инцидента слово было предоставлено советской делегации. Исходя из общих принципов декрета о мире от 8 ноября (26 октября), советская делегация предложила принять за основу мирных переговоров следующую программу:

1. Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий; войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок.
2. Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены.
3. Национальным группам, "не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путём референдума; этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев".
4. По отношению к территориям, населённым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличии фактической к тому возможности, административную автономию.
5. Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так называемых "военных издержек"; взысканные уже контрибуции подлежат возврату. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путём пропорциональных взносов всех воюющих стран.
6. Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4.

По заслушании предложений советской делегации Кюльман попросил представить их всем делегатам в письменном виде и предложил объявить перерыв в работе конференции на один день. На самом деле перерыв затянулся на три дня. Немцы знали советский декрет о мире. Несомненно, они предвидели, что советская делегация на конференции будет исходить из его основных принципов. В Герхмании заранее обдумывали, что ответить на советские условия. 18 декабря в Берлине состоялось совещание, на котором присутствовали рейхсканцлер Гертлинг, Гинденбург и Людендорф. Через два дня у Гертлинга произошла встреча представителей всех партий Рейхстага. Выяснилось, что общая формула русских может быть принята.

Накануне открытия мирной конференции в Брест-Литовске у генерала Гофмана произошло совещание с Кюльманом и Черниным. Оба министра высказались за присоединение к русской формуле мира, при условии, что к переговорам приступят и державы Антанты. Гофман резко выступил против этого. Он ядовито заметил, что Австро-Венгрия ничего не теряет от присоединения к советской формуле "без аннексий и контрибуций": ведь она знает, что Антанта хочет расчленивать Австро-Венгрию. Но зачем нам подделываться под русский стиль, негодовал Гофман, зачем связывать себя какими-то условиями о присоединении Антанты? "Немецкие генералы, - писал по этому поводу Чернин, - "боятся", что Антанта согласится на заключение общего мира. Противно слушать такую дребедень"¹.

¹ (Чернин, *В дни мировой войны*, перев. с нем., Гиз, М.-П. 1923, стр. 243.)

Гофман предлагал заявить, что советская делегация не имеет полномочий выступать от имени стран Антанты, поэтому на конференции речь может идти только о сепаратном мире. Взволнованного генерала стали успокаивать. На его замечание, что принятие советских предложений означает для Германии отказ от Польши, Литвы и Курляндии, последовал ответ: эти страны не подходят под понятие аннексий; они уже отделились от России; вопрос своего существования они будут решать с Германией.

Кюльман, как и Чернин, готовился, таким образом, к заявлению в самой общей форме. Но советские предложения были сформулированы точно и ясно. Отделаться общими фразами нельзя было. Приходилось давать весьма конкретные ответы. И это оказалось всего труднее. Прежде всего надо было так редактировать ответ, чтобы удовлетворить германское командование; с другой стороны, предстояло добиться согласия у турок и болгар, которые не были предупреждены о намеченной дипломатической игре. Всё это оказалось нелёгким делом.

На совещании делегатов германского блока, где обсуждался проект ответа советской делегации, турки настаивали, чтобы русские войска немедленно очистили Кавказ. Но такое требование было неудобно для немцев; из него вытекало, что и они в свою очередь обязаны освободить Польшу, Литву, Курляндию. С большим трудом удалось убедить турок отказаться от своего требования. Далее, турки добивались, чтобы в мирном договоре было подчёркнуто обязательство России не вмешиваться в чужие дела. Туркам указали, что Австро-Венгрия имеет больше оснований опасаться вмешательства России; тем же менее Чернин не высказывает сомнений. Туркам пришлось удовлетвориться такими разъяснениями.

Труднее было поладить с болгарами. Попов заявил, что при заключении союза Германии и Австро-Венгрии с Болгарией ей были обещаны сербские области и Добруджа. Если Болгария согласится теперь с русской формулой мира, то тем самым будет похоронено обещание Германии и Австро-Венгрии. Болгары требовали специально оговорить в ответе, что приобретение Болгарией румынской и сербской территорий не является аннексией. Долго уламывали болгар. Заседания шли утром и вечером. Болгарам раскрыли все карты, объяснили, в чём смысл игры, но они упирались. "Напрасно Кюльман и Чернин расточали перед Поповым всё своё красноречие, - писал Гофман. - В сотый раз они ему доказывали, что наш ответ русским никого ни к чему не обязывает, что речь идёт только о том, чтобы с самого начала произвести хорошее впечатление, что, поскольку Франция и Англия сейчас не собираются приступить к переговорам, все наши теперешние декларации, естественно, теряют свою силу"¹.

¹ (Гофман, *Записки и дневники*, стр. 121.)

Болгары грозили отъездом, если им не уступят. Кюльман и Чернин ответили, что в конце концов не возражают против самостоятельного выступления Болгарии с ответом. Попов запросил Софию, Оттуда, как и надо было ожидать, последовал отрицательный ответ.

Только 25 (12) декабря, поздно вечером, возобновилось заседание мирной конференции. На нём Кюльман представил ответ германского блока на советские условия. Кюльман заявил: "Делегации союзных держав исходят из ясно выраженной воли своих правительств и народов как можно скорее добиться заключения общего справедливого мира.

Делегации союзников, в полном согласии с неоднократно высказанной точкой зрения своих правительств, считают, что основные пункты русской декларации могут быть положены в основу переговоров о таком мире.

Делегации Четверного союза согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций. Они присоединяются к русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей"¹.

¹ ("*Мирные переговоры в Брест-Литовске*", стр. 9. Там же, стр. 9-10.)

Итак, Германия и её союзники присоединились к предложениям советской делегации. Многочисленные чиновники делегаций, эксперты, работники отделов министерств, секретари, корреспонденты газет - а их было на Брест-Литовской конференции свыше 400 - устроили из выступления Кюльман а целую сенсацию. В печати был поднят невообразимый шум. Корреспонденты газет германского блока строчили хвалебные статьи о демократичности Германии. Чиновники посольств в интервью распространялись о её миролюбии. Члены Рейхстага разглагольетвовали о новой эре в международных отношениях. Никто при этом не отметил небольшой оговорки в заявлении Кюльмана:

"Необходимо, однако, с полной ясностью указать на то, что предложения русской делегации могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы вое причастные к войне державы, без исключения и без оговорок, в определённый срок, обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия"

В самом ответе немцы давали ограничительное истолкование отдельным пунктам советской декларации. Так, например, § 3 требовал предоставления возможности национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, свободно, путём референдума, решать вопрос о своём государственном существовании. По этому поводу немцы заявили, что данный вопрос должен решаться в каждом отдельном случае самим государством вместе с народом. Особенно резко выступили немцы против § 6 о колониях. Германское правительство заявляло, что ни в коем случае не может отказаться от своих колоний. Осуществление в них права самоопределения в настоящее время представляется практически невозможным, добавлялось в ноте.

"В германских колониях туземцы, - гласила нота, - несмотря на величайшие затруднения и при минимальных шансах на победу, в борьбе с противником, во много раз более сильным, пользующимся неограниченным подвозом с моря, в самых тяжёлых положениях оставались верны до смерти своим германским друзьям. Это может служить доказательством их привязанности и их решимости при всех обстоятельствах остаться с Германией. Доказательство это по своей вескости и значительности далеко превосходит какое бы то ни было "изъявление народной воли"¹.

¹ ("Мирные переговоры в Брест-Литовске", стр. 11.)

Заявление о "дружбе" немцев с африканскими неграми звучало особенно цинично, В памяти всех ещё жива была кровавая расправа с неграми-герреро в 1904-1907 гг., когда немцы фактически истребили почти всё туземное население.

Советская делегация отметила все германские уловки; она подчеркнула имеющиеся разногласия между делегациями, прежде всего по вопросу о колониях. Однако на данном этапе огромное значение имел уже самый факт присоединения германского блока к советской формуле мира "без аннексий и контрибуций". Констатировав это присоединение, советская делегация предложила объявить десятидневный перерыв, чтобы народы, правительства которых не примкнули ещё к переговорам о всеобщем мире, могли ознакомиться с его принципами. Во время перерыва было решено обсудить в комиссиях непосредственно между государствами отдельные пункты будущего договора.

Конференция топталась на месте долгое время. Каждый пункт вызывал споры.

Длительные дискуссии шли по поводу отдельных формулировок. При этом оказывалось, что немцы и австрийцы не всегда договаривались о согласованных выступлениях. В статье 1, заявлявшей о прекращении войны, имелась формулировка: "Оба государства решили впредь жить в мире и дружбе". Советская делегация предложила снять эту формулировку, ибо она имеет чисто декларативный характер. Немцы и австрийцы запротестовали.

Кюльман предлагал: "оба народа решили впредь жить в мире".

Советская делегация: "оба государства решили".

Немцы: "обе нации решили".

Советская делегация: "Здесь написано "оба договаривающихся государства"".

Кюльман, начиная уже раздражаться, твердит: ""обе нации решили". Поэтому я и удивляюсь, что вы так сильно возражаете...

Приемлема ли для вас редакция: "обе нации"?"

Советская делегация: "оба народа".

В спор вмешивается Чернин: "Редакция "оба народа" невозможна, потому что в Австро-Венгрии живёт много народов".

Кюльман разъясняет, что речь идёт о Германии и России. Чернин настаивает на такой редакции, которая подошла бы и для Австро-Венгрии.

Кюльман повторяет, что проект формулировки имеет в виду германо-русские отношения и потому гласит: "обе нации".

Чернин: "Я ничего не имел бы против того, чтобы сказать "договаривающиеся стороны"".

И дальше в том же духе. А в это время на фронте продолжали гибнуть солдаты.

Замедление мирных переговоров раздражало германское верховное командование. Каждый новый день отсрочки подписания мира всё больше разлагал армию. Генерал Людендорф писал: "Переговоры не двигались с места. Таким способом, каким они велись в Бресте, вообще нельзя было добиться мира, а возможно было лишь ещё больше подорвать наши моральные силы"¹. Людендорф бомбардировал Гофмана телеграммами. "Я сидел, - писал Людендорф, - в Крейцнахе, как на углях, и нажимал на генерала Гофмана, чтобы он ускорил переговоры".

¹ (Людендорф, Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг., т. II, перев. с нем., Госиздат, М. 1924, стр. 127.)

Гофман требовал от Кюльмана и Чернина предоставления ему возможности выступить. Целые дни, по свидетельству Чернина, сидел он над подготовкой своей речи. Несколько раз Гофман порывался подняться. 12 января (30 декабря), утром, он снова выступил с протестом против рассылки советской делегацией радиограмм и распространения на фронте советской прессы. Наконец, случай для нового "удара по голове" как будто представился.

Вечером 12 января, на заседании политической комиссии, советская делегация огласила свои формулировки по спорным вопросам. Она требовала, чтобы правительства Германии и Австро-Венгрии категорически подтвердили отсутствие у них намерений включить в территорию Германии или Австро-Венгрии какие бы то ни было области бывшей Российской империи. Решение вопроса о будущей судьбе самоопределяющихся областей должно проходить без всякого внешнего давления, в условиях полной политической свободы. Голосование должно производиться после вывода из этих областей чужеземных войск и по возвращении на родину беженцев и выселенцев. Окончательное решение о государственном устройстве этих областей осуществляется путём всенародного референдума.

Гофман вскипел. "Я должен, - резко заявил он, - прежде всего протестовать против тона этих заявлений. Русская делегация заговорила так, как будто бы она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории"¹.

¹ ("Мирные переговоры в Брест-Литовске", стр. 96.)

В пространной речи, уснащённой злобными выпадами против советской власти, генерал Гофман изложил историю "соглашения" между Германией, с одной стороны, Литвой и Курляндией - с другой. Закончил генерал объяснением, почему германское правительство отказывается очистить оккупированные районы:

"...И из технически-административных соображений верховное германское командование должно отклонить очищение Курляндии, Литвы, Риги и островов Рижского залива. Все эти области не обладают органами управления, не имеют судов и органов судебной защиты, не имеют железных дорог, телеграфа и почты. Всё это создано Германией и управляется Германией. Равным образом в ближайшем будущем эти народы не будут в состоянии иметь свои собственные войска или милицию из-за отсутствия соответствующих органов, которые могли бы создать всё это"

По Гофману выходило, что немцы застали в Литве и Латвии чуть ли не дикую страну, без дорог и почты. Взбешённый генерал явно потерял чувство меры. Даже делегаты германского блока с трудом скрывали своё смущение. Чернин писал по этому поводу: "Гофман произнёс свою несчастную речь. Он работал над ней целые дни и очень гордился ею. Кюльман и я не скрыли от него, что она достигла только того, что раздражила против нас тыл"³.

³ (*Чернин, В дни мировой войны, стр. 255.*)

Действительно, в тылу положение обострялось. В столице Австро-Венгрии вспыхнули продовольственные беспорядки. Вена стала умолять Берлин о помощи. В Германии разрастались забастовки. Росло недовольство войной и в армии. Германское командование настойчиво требовало скорее кончать мирные переговоры в Брест-Литовске. Наконец, 18 (5) января, на заседании политической комиссии, победители предъявили свои условия. Вынув карту, генерал Гофман заявил:

"Я оставляю карту на столе и прошу гг. присутствующих с ней ознакомиться"⁴.

⁴ (*"Мирные переговоры в Брест-Литовске", стр. 126.*)

Генерал даже не счёл нужным объяснить, что представляет собой та линия, которая намечена была на его карте. На требование объяснений генерал отрезал: "Начерченная линия продиктована военными соображениями; она обеспечит народам, живущим по ту сторону линии, спокойное государственное строительство и осуществление права на самоопределение"¹.

¹ (*"Мирные переговоры в Брест-Литовске", стр. 126.*)

Линия Гофмана отрезала от владений бывшей Российской империи территорию размером свыше 150 тысяч квадратных километров. Германия и Австро-Венгрия занимали Польшу, Литву, некоторую часть Белоруссии и Украины, кроме того, часть Эстонии и Латвии. В руках у немцев оставались также Моонзундские острова и Рижский залив. Это передавало им контроль над морскими путями к Финскому и Ботническому заливам и позволяло развить наступательные операции вглубь Финского залива, против Петрограда. В руки немцев переходили порты Балтийского моря, через которые шло 27% всего морского вывоза из России. Через эти же порты шло 20% русского импорта.

Линия Гофмана почти не имела естественных рубежей. Мало того, на берегу Западной Двины у Риги оставался плацдарм для наступательных операций Германии, угрожающих правому флангу русской оборонительной линии. Двинская крепость оказывалась непосредственно в зоне огня. Установленная граница была крайне невыгодна для России в стратегическом отношении. Она грозила оккупацией всей Латвии и Эстонии, угрожала Петрограду и в известной мере Москве. В случае войны с Германией эта граница обрекала Россию на потерю территорий в самом начале войны.

10 февраля (28 января) советской делегации предстояло дать ответ на ультиматум Германии и Австро-Венгрии. Вопреки прямой директиве Ленина заключить мир Троцкий объявил, что войну Советская Россия прекращает, но мира не подписывает - "ни войны, ни мира". Мирная конференция кончилась. Делегации разъехались по своим странам.

13 февраля (31 января) в Гомбурге состоялось совещание, в котором приняли участие Вильгельм II, имперский канцлер Гертлинг, Кюльман, Гинденбург, Людендорф, начальник морского штаба и вице-канцлер. На совещании было принято решение "нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения"².

² (Людендорф, *Мои воспоминания*, стр. 132.)

Решено было также занять Украину, подавить там большевизм и приступить к извлечению из неё хлеба и сырья. Гинденбург изложил и самый план военного продвижения: предлагалось занять всю Прибалтику вплоть до Нарвы и оказать вооружённую поддержку Финляндии. На совещании придумали и формальную мотивировку отказа от перемирия. Решено было считать, что "неподписание Троцким мирного договора автоматически влечёт за собой прекращение перемирия"¹.

¹ (Людендорф, *Мои воспоминания*, стр. 134.)

Из троцкистской предательской установки - "ни войны, ни мира" - Германия сделала нужный ей агрессивный вывод: 16 февраля она объявила, что уже 18-го, в 12 часов дня, начнётся наступление против русской армии. Тем самым германские генералы грубо и вероломно нарушили одно из условий перемирия, требовавшее предупреждения о разрыве за 7 дней.

Как только были получены известия о наступлении немцев, Ленин предложил немедленно подписать мир. Изменник Троцкий настаивал на необходимости выждать, пока развернется наступление немцев. Тем самым он предательски предоставлял немцам возможность захватить побольше территории и боеприпасов. 18 февраля, вечером, Ленин вновь настаивал на своём требовании. На этот раз Троцкий предложил запросить немцев, чего они хотят. Это предложение явно вело к затяжке времени и позволяло немцам ещё больше углубиться в Советскую страну. Ленин разоблачил вероломную цель этого предложения. "Теперь нет возможности ждать, - заявлял он. - Это значит сдавать русскую революцию на слом... Если запросить немцев, то это будет только бумажка... Бумажки мы пишем, а они пока берут склады, вагоны, и мы околеваем. Теперь на карту поставлено то, что мы, играя с войной, отдаём революцию немцам"².

² (Ленин, Соч., т. XXII, стр. 257.)

Сломив сопротивление изменников, немецких пособников, провокаторов войны, Ленин 19-го рано утром послал немцам следующую радиограмму: "Ввиду создавшегося положения, Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным подписать условия мира, предложенные в Брест-Литовске делегациями Четверного Союза. Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на поставленные германским правительством точные условия будет дан немедленно"³.

³ ("Мирные переговоры в Брест-Литовске", стр. 264.)

Для того чтобы немцы не могли сказать, что радиограмма ими не получена, и под этим предлогом не продолжали наступления, Ленин вручил копию радиограммы специальному курьеру, посланному навстречу наступавшим германским войскам. 20 февраля генерал Гофман ответил, что радиограмма получена. Однако она должна быть подтверждена письменно и передана непосредственно в руки германского коменданта города Двинска. Гофману было сообщено, что такой курьер уже выехал. Тем не менее наступление немцев продолжалось. "Немедленно ночью получился ответ, - свидетельствует Гофман, - что курьер с таким письменным предложением в пути. Повидимому, он очень спешит, - мы же нет. К сожалению, наше наступление идёт слишком медленно, не хватает лошадей, дороги плохи. Пока мы не дойдём до озера Пейпус, мы не остановимся"¹.

¹ (Гофман, Записки и дневники, стр. 240.)

21 февраля Ленин объявил "социалистическое отечество в опасности". Повсюду спешно создавались отряды. Вся страна была призвана к отпору иностранным интервентам. Под Псковом и Нарвой полки молодой Красной Армии преградили дорогу немцам. Немецкие передовые отряды были отброшены. Триумфальное шествие кончилось. Германским империалистам стало ясно, что впереди - длительная война с народами Советской страны. День организации отпора немецким захватчикам - 23 февраля - стал днём юбилея Красной Армии.

Только 23 февраля, в 10 часов 30 минут, получен был, наконец, ответ от немцев. Генерал Гофман писал в своём дневнике: "Только сегодня утром отправили ультиматум. Надо прямо сказать, Министерство иностранных дел и верховное главнокомандование хорошо поработали. Ультиматум содержит все требования, какие только можно было выставить".

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ!

Чтобы спасти изуродованную, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира.

Наши парламентарии 20 (7) февраля, вечеромъ, выѣхали изъ Рѣжицы въ Двинскъ и до сихъ поръ нѣтъ отвѣта.

Немецкое правительство, очевидно, медлитъ отвѣтомъ. Оно явно и не хочетъ мира. Выполняя порученіе капиталистовъ всѣхъ странъ германскій милитаризмъ хочетъ задавить русскихъ и украинскихъ рабочихъ и крестьянъ, вернуть земли помѣщикамъ, фабрики и заводы — банкирамъ, власть монархіи.

Германскіе генералы хотятъ установить свой „порядокъ“ въ Петроградѣ и въ Киевѣ.

Соціалистическая Республика Советовъ находится въ величайшей опасности.

До того момента, какъ поднимется и побѣдитъ пролетариатъ Германіи, священнымъ долгомъ рабочихъ и крестьянъ Россіи является беззастѣнливая защита Республики Советовъ противъ полчищъ буржуазно-империалистской Германіи.

Советъ Народныхъ Комиссаровъ постановляетъ:

1) Всѣ силы и средства страны цѣлкомъ предоставляются на дѣло революціонной обороны.

2) Всѣмъ Советамъ и Революціоннымъ организациямъ вмѣняется въ обязанность защищать каждую позицію до послѣдней капли крови.

3) Железнодорожныя организации и связанныя съ ними Советы обязаны всими силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратомъ путей сообщенія; при отступленіи уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожныя эшпалы; весь подвижной составъ — вагоны и паровозы, немедленно направлять на востокъ въ глубь страны.

4) Всѣ хлебные, и вообще, продовольственные запасы, а равно всякое цѣнное имущество, которымъ грозитъ опасность попасть въ руки врага, должны подвергаться безусловному уничтоженію; наблюденіе за этимъ возлагается на мѣстные Советы подъ личною отвѣтственностью ихъ предсѣдателей.

5) Рабочіе и крестьяне Петрограда, Киева, всѣхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень по линіи фронта должны мобилизоваться батальонами для рытья окоповъ подъ руководствомъ военныхъ специалистовъ.

6) Въ эти батальоны должны быть включены всѣ работоспособные члены буржуазнаго класса, мужчины и женщины подъ надзоромъ красногвардейцевъ; сопротивляющіеся расстрѣливать.

7) Всѣ изданія, противодѣйствующія дѣлу революціонной обороны и становящіяся на сторону немецкой буржуазіи, а также стремящіяся использовать нашестіе империалистическихъ полчищъ въ цѣляхъ сверженія Советской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этихъ изданій мобилизуются для рытья окоповъ и другихъ оборонительныхъ работъ.

8) Неприятельскіе агенты, спекулянты, троянцы, хулиганы, контр-революціонные агитаторы, германскіе шпионы расстрѣливаются на мѣстѣ преступленія.

**Соціалистическое отечество въ опасности. Да здравствуетъ соціалистическое отечество!
Да здравствуетъ Международная Соціалистическая революція!**

Советъ Народныхъ Комиссаровъ.

Германский ультиматум состоял из 10 пунктов. Первые два пункта повторяли ультиматум от 9 февраля (27 января), т. е. подтверждали "линию Гофмана". Но в остальном ультиматум шёл несравненно дальше. Пунктом 3 дополнительно предлагалось немедленно очистить Лифляндию и Эстляндию от русских войск и красногвардейцев. Обе области занимались немцами.

Пунктом 4 Россия обязывалась заключить мир с Украинской Центральной радой. Украина и Финляндия должны были быть очищены от русских войск. По пункту 5 Россия должна была возвратить Турции анатолийские провинции и признать отмену турецких капитуляций.

Пункт 6. Русская армия немедленно демобилизуется, включая и вновь образованные части. Русские корабли в Чёрном и Балтийском море и в Ледовитом океане должны быть приведены в русские порты и разоружены. Возобновляется мореплавание. В Ледовитом океане сохраняется немецкая блокада до заключения мира.

Пункт 7. Восстанавливается германо-русский торговый договор от 1904 г. К нему присоединяются гарантии свободного вывоза, право беспошлинного вывоза руды, гарантия наибольшего благоприятствования Германии по меньшей мере до конца 1925 г. и обязательство начать переговоры о заключении нового торгового договора.

Пункты 8 и 9. Вопросы правового порядка будут регулироваться согласно решениям русско-германской юридической комиссии. Россия обязуется прекратить всякую агитацию и пропаганду против стран германского блока как внутри страны, так и в оккупированных ими областях.

Пункт 10. Условия мира должны быть приняты в течение 48 часов. Уполномоченные с советской стороны немедленно отправляются в Брест-Литовск и там обязаны подписать в течение трёх дней мирный договор, который подлежит ратификации не позже чем по истечении двух недель.

Заседание мирной конференции в Брест-Литовске началось 1 марта. Министры иностранных дел четверного блока отсутствовали на её заседаниях. Они выехали в Бухарест, где начались переговоры о заключении мира с Румынией. Германскую делегацию представляли посланник фон Розенберг и генерал Гофман. Открывая заседание конференции, Розенберг заявил, что в распоряжении конференции имеется только три дня. Он добавил, что военные действия будут прекращены только после подписания мирного договора. "Мы собрались здесь, - добавил он, - не для речей и прений, но для подготовительных работ по подписанию мирного договора и для заключения самого договора"¹. Розенберг предложил закрыть заседание и организовать три комиссии: политическую, экономическую и правовую, для обсуждения отдельных пунктов мирного договора. Советская делегация отклонила это предложение. Она заявила, что её задача состоит лишь в том, чтобы "принять условия, которые с оружием в руках продиктованы Германией российскому правительству"¹.
¹ (*"Мирные переговоры в Брест-Литовске"*, стр. 213.)

Розенберг выразил сожаление, что русская делегация отклонила его предложение, и прочитал условия мирного договора. Оказалось, что немцы изменили свой последний ультиматум. Спohватившись, немцы отрезали в пользу Турции ещё несколько городов. Розенберг предлагал к пункту 5, в котором шла речь о возвращении Турции анатолийских провинций, прибавить: "с включением округов Ардагана, Карса и Батума". При этом Розенберг пояснил: "Однако мы на этом не настаиваем во избежание упреков в аннексионистских стремлениях"². Это не значило, что немцы отказываются от требования отдать Турции Ардаган, Карс и Батум. Как разъяснил Розенберг, его ремарка означала, что в договор можно и не включать этой формулировки; однако указанные три округа должны быть немедленно очищены русскими.

Вечером состоялось совещание председателей делегаций. Здесь советская делегация заявила, что заключение мира "совершается в небывалых условиях, в неслыханной атмосфере насилия". Германские войска продолжают наступать; на обсуждение договора даётся только три дня. В связи с этим советская делегация отказывается обсуждать условия мира и принимает их в той форме, в какой они предлагаются. Розенберг в ответ на это цинично заявил: "Между тем условия да и наши требования изменились. Требования увеличились; но и теперь они ещё далеки от того, чтобы их можно было рассматривать как бесцеремонную эксплуатацию соотношения сил"³.

3 марта состоялось пленарное заседание мирной конференции. Советская делегация вновь заявила, что готова немедленно подписать мирный договор, отказываясь от всякого его обсуждения как бесполезного при создавшихся условиях. Дипломаты четверного блока в своих выступлениях опять доказывали, что заключаемый мир нельзя считать насильственным.

В конце концов стороны приступили к подписанию.

Мирный договор с приложениями экономического и правового характера и дополнениями был подписан 3 марта 1918 г. в 5 часов 50 минут вечера.

В 5 часов 52 минуты мирная конференция была объявлена закрытой.

В тот же день ВЦИК обратился ко всем Советам с телеграммой, в которой сообщал о подписании мирного договора и о созыве на 12 марта Всероссийского съезда Советов для его ратификации.

Для ратификации был дан срок в две недели. В Германии и в особенности в Австро-Венгрии имелись опасения, что Советская республика не ратифицирует этого договора. На этот случай намечались соответствующие меры. "Мы ждём, согласится ли Россия ратифицировать мир, - записал в своём дневнике 7 марта генерал Гофман. - Она должна это сделать через 13 дней, иначе мы пойдём на Петербург".

15 марта Всероссийский съезд Советов большинством голосов ратифицировал мирный договор. Советская страна добилась передышки. Но на Украине продолжалось наступление германских и австро-венгерских войск.

Брестский мирный договор состоял из следующих документов: 1) Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией - с другой, 2) Заключительный протокол к договору о таможенных пошлинах и тарифах на отдельные товары, 3) Русско-германский дополнительный договор к мирному договору, 4) Русско-австро-венгерский дополнительный договор, 5) Русско-болгарский дополнительный договор, 6) Русско-турецкий дополнительный договор. Все дополнительные договоры касались вопросов о восстановлении дипломатических и консульских сношений, об обмене военнопленными и гражданскими пленными, о вознаграждении за частноправовые убытки и т. д.

Мирный договор между Россией и центральными державами состоял из 13 статей. В основных статьях было обусловлено, что Россия, с одной стороны, Германия и её союзники, с другой, объявляют о прекращении войны. Россия производит полную демобилизацию своей армии; военные суда России переходят в русские порты до заключения всеобщего мира или же немедленно разоружаются. От Советской России по договору отходили Польша, Литва, Курляндия, Лифляндия и Эстляндия. Кроме того, в руках немцев оставались те районы, которые лежали восточнее установленной договором границы и были заняты к моменту подписания договора немецкими войсками. На Кавказе Россия уступала Турции Карс, Ардаган и Батум. Украина и Финляндия признавались самостоятельными государствами. С Украинской Центральной радой Советская Россия обязывалась заключить мирный договор и признать мирный договор между Украиной и Германией. Финляндия и Аландские острова очищались от русских войск. Советская Россия обязывалась прекратить всякую агитацию против правительства Финляндии. Вновь вступали в силу отдельные статьи невыгодного для России русско-германского торгового договора 1904 г.

В Брестском договоре не были зафиксированы границы России, а также ничего не говорилось об уважении суверенитета и целостности территории договаривающихся сторон. Мало того, что касается территорий, которые лежали к востоку от линии, отмеченной в договоре, то Германия соглашалась их очистить только после полной демобилизации советской армии и заключения всеобщего мира. Военнопленные обеих сторон отпускались на родину. Но Россия должна была уплатить большую сумму за содержание русских военнопленных. Дипломатические и консульские сношения должны были возобновиться немедленно после ратификации мирного договора.

Констатируя исключительно тяжёлые условия Брестского мира, Ленин призывал советский народ не впадать в отчаяние, организовать и собирать силы для новой борьбы. На VII съезде РКП(б) Ленин высказал чрезвычайно важную мысль о роли договора при поражении. "Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя, - говорил Ленин. - Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы: я уже ссылался на русскую историю. Некоторые определённно, как дети, думают: подписал договор, значит, продался сатане, пошёл в ад. Это просто смешно, когда военная история говорит яснее ясного, что подписание договора при поражении есть средство собирания сил"¹.

¹ (Ленин, Соч., т. XXII, стр. 334.)

История доказала, что Брестский мир был выдающимся достижением советской дипломатии. Заключение Брестского мира вывело Советскую страну из войны. Мир дал стране некоторую передышку: он позволил демобилизовать старую разложившуюся армию, приступить к социалистическому строительству и накопить новые силы для грядущих победоносных битв.

